

И что ребёнок твой был от другого
Терзало тайной ревностью меня.

Ребёнку было около шести!..
О, воспитанье русских коммунистов, —
Мы шли к дивану — и твой крест был истов,
Что означало: Господи, прости!..

Я вновь над облаками. Там, на дне
Твой город, словно остров в океане,
Где сохранились вмятины в диване
Легендой о тебе и обо мне.

Вовек невыводимое пятно
На ткани памяти, пока живётся.
Я детский страх за жизнь канатоходца
Храню в наречии ДАВНЫМ-ДАВНО.

Лос-Анджелес

ТРИПТИХ

Винсент Ван Гог

(1853 — 1890)

Ван Гог без устали писал —
Картины шли сплошным потоком.
Но труд Ван Гога не спасал —
Он нищим был и одиноким.

Опять в бордель вернулась Син,
Лишив его тепла и ласки,
Но все же золотом с картин
Сияли солнечные краски.

В любви Винсенту не везло.
Ну что ты скажешь, в самом деле:
Опять влюбился, как назло,
В очередную из борделя.

Ван Гог ее боготворил —
(Она была тростинкой хрупкой)
Не упрекал и не корил,
А называл ее Голубкой.

Голубку — птицу напоказ —
Не тяготила эта клетка.
Она спросила как-то раз:
— Ты почему приходишь редко?!

Ну не стесняйся, говори.
— Да денег нет, — сказал он сухо.
— Тогда отрежь и подари
Ты мне свое смешное ухо!..

У этой шутки был итог
И жуткий, и неповторимый:
Так сделать мог один Ван Гог —
Отрезал ухо для любимой.

Велимир Хлебников

(1885 — 1922)

— Но-о-о, Каурка! — кричал возница,
Не стесняясь всю орать,
Транспортируя из больницы
Велю Хлебникова умирать.

Лошадь выделил Луначарский! —
Да ему уже все равно.
Приказал провезти по-царски,
А везут его, как бревно.

— Но-о-о, проклятая божья кара.
Ах ты, Господи, нас прости:
Председателя, — но-о! — земшара
Так мы можем не довести...

Но-о-о, собаки тебя бы съели —
Зарабатывай на овес!
Тпр-р-ру. Приехали! Как велели —
Слава Богу, живым довед...

Он окинул свои "хоромы":
Койка старая, стол да стул.
И сказал: — Вот и все. Я — дома.
Успокоился и уснул...

Хоронили в костюме старом.
И без почестей. В суете...

"Председатель Земного шара"
Все же выбили на плите.

Виктор Некрасов

(1911 — 1987)

На кладбище Сент-Женевьев де Буа
Чужие цветы и чужая трава,
Чужая и малопонятная речь,
Где в землю чужую пришлось ему лечь.

И если заходит о нем разговор,
То он и не Виктор уже, а Виктор.

А где-то за Волгой шумят ковыли —
Родные окопы травой поросли.
Истлели в окопах останки друзей,
А книгу о них поместили в музей*.
Некрасова помнит еще Сталинград,
Но он никогда не вернется назад.

Овеянный славой,
опутанный лжой,
Лежит он в Париже
в могиле чужой.

* Повесть "В окопах Сталинграда".